
БАЖЕНОВ А.В. ,
старший преподаватель,
Украинская инженерно-
педагогическая академия,
г. Харьков

ЛЫСЕНКО К.С.,
студентка, Украинская
инженерно-педагогическая
академия,
г. Харьков

ФИЛОСОФСКАЯ ОЦЕНКА ИССЛЕДОВАНИЯ АГРЕССИИ

В статье изучаются гипотетические и опытные социобиологические подходы к исследованию психического образа, агрессии, различны. Единство понимания психического образа обеспечивается проективным представлением о психическом, требующим развития, которое не удастся проанализировать, опираясь на причинно-следственные связи. Требуемое макроуровневое объяснение запрашивает сложные диалектические категории, в которые можно включить и составляющие эмоциональной сферы, не выражимые средствами когнитивной науки.

Ключевые слова: агрессия, этнология, психический образ агрессии, К.Лоренц, Дж.Дж.Гибсон, П.Д.Юркевич, В.С.Соловьев

В статті вивчаються гіпотетичні і дослідні соціобіологічні підходи до дослідження психічного образу, агресії, різні. Єдність розуміння психічного образу забезпечується проективним поданням розвиненого психічного, яке не вдається проаналізувати, спираючись на причинно-наслідкові зв'язки. Необхідне макрорівневе пояснення запрошує складні діалектичні категорії, в які можна включити і складові емоційної сфери, що не вдається виразити засобами когнітивної науки.

Ключові слова: агресія, етнологія, психічний образ агресії, К.Лоренц, Дж.Дж.Гібсон, П.Д.Юркевіч, В.С.Соловйов

There are theoretically experienced socio-biological approaches to the study of mental image, aggression. Unity of understanding mental image provided by a projective representation of the mental, requiring the development of which cannot be analyzed, based on causal relationships. Required macro-level explanation prompts complex dialectical categories, which can be incorporated in and constitute the emotional sphere, not expressible by means of cognitive science.

Key words: aggression, etology, mental image of aggression, K.Lorenz, J.J.Gibson, P.D.Jurkevich, V.S.Soloviev

Каждый из нас изо дня в день сталкивался с жгучим желанием повысить голос, выругаться или ударить по трибуне, т.к. сидящие слушают, но совершенно не слышат!!! Или ударить соседа просто потому что он бесит, ведь бывает и такое, правда? Именно в эти моменты человек испытывает агрессию. Сам термин агрессия определяется как *мотивационно - деструктивное поведение противоречащее нормам сосуществования людей, наносящее вред объектам нападения, приносящий физический и моральный ущерб* [1, с.19]. Некоторые ученые считают, что термин агрессия уместно использовать только тогда, когда жертва стремится избежать нападения (т.е. причинения ей физического или морального ущерба). Но вне зависимости от того идет ли речь о насилии в рамках ритуализованных взаимоотношений садомазохистской пары или об изнасиловании или избиении – оказывается, что все различие лежит не в личностно-психологической плоскости, а в правовой! Становится важным ухватиться за вопрос: как именно следует квалифицировать действия субъекта! Тогда в зависимости от ситуации членовредительство и суицид могут классифицироваться либо как проявление аутоагрессии либо как разновидность оборонительной поведенческой стратегии - тупик! А как интерпретировать бытие посуды во время ссоры? Это вообще не агрессия, а если говорить о вреде человеку? Но

если мы бьем его посуду, тогда это агрессия? Когда вспышки агрессии постоянны и при каждой ссоре вы хлопаете дверью, бьете посуду, кричите, ругаетесь без надобной причины, то невольно ощущаешь, что становишься чужим, ненужным... Почему мы поступаем именно так? Что вызывает агрессию? Эти вопросы требуют ответов, и некоторые мы отыскивали в книге К.Лоренца «Так называемое зло» [9]. Он утверждает, что агрессия наследственна, иначе трудно объяснить своё поведение и поведение всей своей семьи. Но если она наследственна, то стоит пойти дальше. Например, до приматов; мы можем упомянуть исследования Н.Ладыгиной-Котс с шимпанзе Иони и эмоциями агрессивности. С помощью научения, шимпанзе стала слушаться, когда говорили: «Сядь», «Встань», «Иди в клетку»; научилась чистить зубы и даже одеваться! Это может каждый из нас: слышать, чистить зубы и одеваться и даже ребенка с самого малого мы учим тем искусственным потребностям, которые были перечислены выше. То есть, можно предположить, что шимпанзе немного не человек, ведь для «человеческого образа» ему не хватает лишь голоса, к чему он, замечу, анатомически не приспособлен. На что Ладыгина-Котс отвечает: «Примат это не просто не человек, это совсем не человек...» [5]. Но если мы дошли до приматов, тогда следует задуматься, что же мотивирует агрессию? Не кроется

ли за привычным образом причинной цепи, вроде: фрустрация - проявление (само) агрессии - самореализации (классический пример которой - Демосфен).

Классификация явления, гипотеза, и цели исследования

Как мы сказали, изучение такого «обыкновенного» явления, как агрессия, заставляет ученых обратить внимание на животные истоки психики человека. Несмотря на это, интеллектуальный анализ причин происходящего «переворота» в психике человека сегодня не менее *актуален*. Желаящему изучать агрессии следует выделить разные уровни вопроса: является ли она явлением, редуцируемым к более элементарным единицам, или она сложный образ, включающий соотносительные явления, наподобие асимметрии агрессия и депрессии. Будучи прежде всего эмоцией, ее можно представлять отдельной единицей с легко отличаемым внешним выражением [4]. Однако, если обнаружится, что природа агрессии простая, например, если удастся ее редуцировать к животной психике, то в отношении человека - наследника и «носителя» ее, может появиться вопрос о «предрасположенности» проявления ее у того или иного человека. Хотя вопрос и кажется вторичным, в отношении порядка познания мы начинаем именно с проявления агрессии, - следовательно, необходима поправка на возможное искажение познания не натренированного к различению проявления способности к агрессии у человека. Изучение ее прежними способами (по К.Изарду) сохраняет иллюзию абстракции, что изучение может предотвратить ее вспышку. Приняв вторую гипотезу об «образе» агрессии, и редуцировав ее к чему-то менее «активному». Например, сама агрессия - это искаженная форма «любви» по З.Фрейду [13], или составлена из страха, стыда или иных элементов, но вынуждены искать личную «формулу». Таковыми могут быть

неверная оценка ситуации, неверная, «инверсионная» логика принятая в качестве гипотезы для происходящего, или другие роды пассивной установки, предполагающей «втягивание» человека в конфликт вопреки его воле. Таковыми в принципе являются социобиологические теории А.Адлера и Э.Фромма [14]. Из их гипотез вытекает неудовлетворенность культурой. Однако в качестве возражения им, необходимо оценить их подход как недостаточно специфичный именно для агрессии, поскольку в отличие от образов других чувств, она именно наиболее явная, и как следствие более поверхностная и видоиспецифическая для культуры эмоция.

Однако если мы принимает альтернативу образа, а не альтернативу редукции, то следует выдвинуть *гипотезу*. Мы склонны считать, что агрессия возникает на фоне инверсионной логики, приводящей основания для включения субъекта в ситуацию без достаточных на то оснований. (Можно описать пословицей «Юпитер,- ты сердисься, значит, ты не прав!»). Таким образом, имея истоки в биологии (первая часть), агрессия становится фактором для оценки рассудком своего места в ситуации и предотвращения агрессии за счет других чувств (вторая часть).

Важно, однако, чтобы из гипотезы вытекали выводы для осознания человеком себя, и отношения к другим (самоактуализация). Каждое из следствий по отдельности не обязательно подтвердится непосредственно (например, пассивная, аутоагрессия повлечет раскаяние, страх, а активная агрессия в отношении других - чувство вины, стыд). Важно понять, что за двойственностью психического феномена кроется недостаточно глубокое самосознание. Однократное понимание мало меняет истинные, а не «воображаемые» отношения. Поскольку, будучи эмоцией, агрессия не может быть мерой - если только не отрицательной общественных отно-

шений, то важно подтвердить ее наличие в качестве предмета воздействия, а именно, отыскать рычаг предотвращения агрессии вопреки ситуации на основе осознания, т.е. проведение сравнительных исследований.

В чем отличие нашего исследования от условного субъективного: а) по народной примете, когда рождается больше мальчиков, чем девочек то предстоит агрессия (война), т.к. мальчикам не удастся реализовываться; если....б) глобализация и ускорение жизни препятствуют нормальному воспитанию, с культурой происходят «срыв» и «одичание», вместо пользования благами цивилизации, люди начинают есть руками и берутся за оружие; если...в) из-за разрушения культуры людям становится менее свойственна привычка благодарить других, нарушаются эмоциональные связи и эмоциональная память, - люди перестают помнить прошлое и становятся «злыми детьми», проявляя агрессию. Несмотря на явность и фактичность – не ясно, например, что понимать под «возвратом к детству» и - для одних это символ возврата к «благой природе детства», для других – «возврат к животному началу». Такая натурализация может послужить лишь приемом к началу исследования агрессии.

Этология об агрессии

Тому, кто наблюдал за жизнью домашних животных может закрасться в голову мысль, что в дебрях животного мира таится так хорошо знакомая в человеческом мире агрессия. Наблюдение за жизнью животных в естественных условиях открывает много таинственного и неизвестного: до сих пор не открыты многие виды и мы до конца еще не знаем всей той роли, которую играет природа и животный мир в нашей жизни. Но кажется, что изучение животных с их естественным отбором в эволюции и борьбой за существование, касается тайной связи истоков наших чувств с животным миром. Это не только жалость к низ-

шим созданиям со стороны более разумного творения. Разумный человек по отношению к животным проявляет такую гамму чувств и эмоций, которая свидетельствует о нашей неразрывной связи и непреодолимом стремлении самоопределения. Мы расстаемся со своим прошлым «в чувствах»: через слезы или смех, через стыд или благоговение, наконец, через агрессию, даже если мы не вполне ее осознаем. Мы можем стыдиться, глядя на определенное поведение животных, можем смеяться, наконец, глядя на величие природы, можем приходить к более высоким чувствам: благоговения перед творением: «Ты ли ловишь добычу львице и насыщаешь молодых львов...?» [Библия, Книга Иова 38,39], проникаясь более экологическим отношением к природе, к себе, к обществу. Или же следует посчитать, что все эти чувства обнаруживаются лишь по мере нашего становления человеком, так сказать «задним умом», тогда как наша юность и наша видовая борьба засвидетельствованы как раз рецидивами агрессии. То есть, некоторые чувства оказываются своего рода «трансцендентальной иллюзией» - тем, что хотя мы и познаем, но от чего не можем вполне избавиться. Именно в этом смысле кажется понятным, что нет страшнее зверя, чем человек. Работы по этологии К.Лоренца [7, 8, 91] представляя эволюционную эпистемологию, изображают агрессию проективной природы. Ее основа – корректировка гносеологической позиции И.Канта в отношении априорных основ чувственности через возврат к натурализации через рефлексивную интроспекцию над включенными наблюдениями в этологии, науки о животном поведении [8; 9]. В то же время в своих работах К.Лоренц касается возможных причин отклонения психики человека, там, где она касается своих животных истоков. Но удастся ли вопрос о таком сложном явлении, как агрессия человека, редуцировать к природному основанию? Не будет

ли противным интуиции считать, что с потерей агрессии человек теряет свой облик подобно тому, как это считается по отношению к потере чувства юмора и смеха? Но не кажутся ли противостоящими на разных полюсах агрессия и смех? Для натурализирующей этологической позиции – нет [10], тогда как для классической – конечно да [3]. Кажется, что этика и этология занимают различные позиции вследствие их обращения к разным лицам: первому и третьему [17]. Обращается внимание на причинное или функциональное объяснение психического, в частности, агрессии, у человека и в животном мире, через несобственное понимание объективного как осуществившейся цели [там же]? Однако «ключ к пониманию анатомии обезьяны лежит в анатомии человека [15]. Неясно только, является ли такое понимание психического и в частности, агрессии, принципом или фикцией завершения, именованием неизвестного.

Познавательное противоречие этологии: агрессия – именование

Одним из ключевым противоречий при изучении таких биологических оснований познания в ходе эволюции и приспособления, проявлением которых считается агрессия, будут не научные критерии о положении того или иного существа на эволюционной лестнице, а познавательные, или так называемые «способности». К.Лоренц придерживается «проективного» рассмотрения познания в отведенных ему границах, так называемого «мезокосмоса» [12], для которого характерно принятие перехода «способность» – «явное свойство». Противоречивость такого подхода обнаруживает рациональная критика отвлеченной натурализации еще в XIX столетии. Например, мышление можно рассматривать как «удачное приспособление всех сил на данный момент». Но то мышление, «чтобы из разных комбинаций, ощущениях и представлениях, изготовляемых воображени-

ем при помощи памяти, избирать такие, которые соответствуют потребностям мыслящего организма в данную минуту», по справедливому замечанию украинского философа П.Д.Юркевича «называется сумасшествием» [16, с.155]. И сам К.Лоренц подчеркивает такую не гибкость понятия адаптации в отношении поведения. Он приводит пример того, что зверя легко поймать, нарушив отлаженную схему его поведения, когда животное проявляет наибольшую быстроту и «свернутость» действий. Этолог приводит также факты выхода за пределы стандартных условий [9], при взятии животного на воспитание. Но идет ли речь здесь об объективности природы [7, с.244]? Даже больше, насколько можно доверять теоретическим выводам этолога или современному исследователю поведения человека и животных Дж.Гибсона, считающего мышление скорее реализующейся только благодаря средовым возможностям [2]? Однако К.Лоренц настаивает на существовании множества реальностей, определяя приспособленность вида животного к такой «реальности» «априорно». Также к этой общей, и еще не познанной реальности может относиться искомая априорность человека, в частности, агрессия. Но, даже отыскав место агрессии, К.Лоренц вынужден проводить анализ каждой отдельной возможности, каждого биологическому виду для придания ему «объективности» через причинность. Таким общим становится межвидовое поведение, род. Новизна его в том, что и у Д.Юма (регулярность), и у И.Канта (априорность), такая причинность не могла быть постулирована. К.Лоренц анализирует, но не склоняется к принятию версии древа сопутствий причин для натурализации животных причинностей [7, с.251-253]. Кажется, что животное только представляет некоторую, свойственную виду «субъективную» реальность, выраженную в особенностях поведения видов. Предполагается, что причинность здесь совпа-

дает с «реальностью» в поведении. Своеобразие К.Лоренц подчеркивает на контрасте способности приспособления различных животных классов через различные, имеющиеся у них познавательные аппараты к различным средам, что является конвергенцией. Конвергенцией является и процесс обучения у разных родов животных. Но по каким признакам происходит объединение? Является ли такое представление переход от «субстанциального» к функциональному пониманию психического или же просто операцией именования? Здесь мы обращаемся к отличию от других «натурализирующих» теорий. Факт «подогнанности» к среде обитания Дж. Гибсон кладет в основание утверждения связи функции и видит одновременное эволюционное изменение аппарата и видимых его поведенческих образцов [2]. К.Лоренц, наоборот, настаивает на очевидности «образца» поведения и его редукции его видоизменений к более ранним образцам. Немецкий биолог приводит аналогию с девочкой, позабывшей на полпути стихотворение, вынужденной для его воспоминания регрессировать к более раннему периоду, и вновь попытаться «проскочить» позабытый участок. Поэтому, даже если принять психический образ агрессии гипотетически единым, следствием трансформации инстинктов, остается ее «положительный» или «теневого» образец. Согласно классическим опытам И.Павлова, норму поведения К.Лоренц описывает как тормозящее усилие, а не агрессию, несмотря на методологически необходимое следствие из концепции. Ученый отмечает, что ситуация «единоразового» инстинктивного поведения как раз протекают без «эмоций», гладко и незаметно. Образно говоря, все инстинкты «мирно» сосуществуют и готовы разворачиваться только в случае длительного их неисполнения их или даже сбоя программы. Но в данном случае мы переходим на другой

уровень объяснения, классический по его ссылке на «энтелехию». Отдельные части выступают как функции. Так, растения потребляют углекислый газ, производя побочный продукт – кислород, потребляемый в дыхании животными, отходами которых питаются бактерии, производящих вновь углекислый газ и так далее. Таким образом, с иного уровня видна «множественность» агрессии, представление ее образа наблюдателю. В то же время, с точки зрения исследователя она проявиться лишь в случае усилий на изменение ситуации, что зафиксировано в эффекте так называемого «слепого зрения» [10, с.322] или в опытах на формирование чувствительности к видонеспецифическим раздражителям в Харьковской школе психологии [6]. Теперь, для человека, агрессия может рассматриваться направленной не только на предметы, но и на часть себя. Одним из таких подходов к оценке агрессии на животное в самом человеке в себе является оценка одного из кандидатов на элементы, входящие в образ агрессии - стыда В.С.Соловьевым [11, с.123-124]. Философ считал, что стыд направлен на животную природу в самом человеке предотвращая, а не «познавая», возможность того, что засим произойдет, что и фиксируется одновременно, если не впоследствии соответствующим физиологическим проявлением.

Агрессия у человека

Было бы заманчиво вместе с В.Соловьевым, поэтому, считать, что текстовая фиксация «оправдания добра» подтверждается тем, что сам автор с его написанием изменился. Хотя бы агрессии следовало бы сойти со сцены с эволюционным временем, она меняет свой образ. Очевидно, что она есть и в настоящем. Но не так уж легко разглядеть «настоящую» агрессию вовне, если она не спроектирована социальными условиями. Чтобы разглядеть ее яркие этологические одеяния, требуется переосмыслить их в связанных с ней общих категориях.

Естественно, что, как иные психические явления, агрессия - интересна, захватывающая не только разнообразием красок и ритуалов, но и какой-то необходимостью. Но неочевидна роль такой «красоты» раскраски, если она без наблюдателя. Хотя для живого возможно размножение без мужского пола (партеногенез), как и без разделения полов: это составляет особый предмет для соответствующих наук, но не ясно, в какой мере агрессия также априорна, как это представлялось К.Лоренцу. Странность того, что рыбы с яркой окраской агрессивны, для человека с его аппаратом зрения дают возможность наблюдать красоту, понимая цели поведения! Если для биолога вместо агрессии предстает «борьба за существование», а агрессия - ее проявление, то в отношении возникновения агрессии человека агрессия животных ни о чем не говорит. Остается вопрос, кто нуждается в агрессии, каковы причины для разумного человека не избегать ее (как безотчетен страх или естественен стыд), но осознавать ее. К.Лоренц подчеркивает спонтанность агрессии и ее предотвращение осознанием [7, с.100], но

надо отдать ему должное, он говорит о приемлемых границах агрессии. Если мы обнаруживаем неверную цель и способны перенаправить агрессию, тогда логичнее было бы вести речь о корректировке целей человека. Но таков подход эволюционной биологии: изучить то, что составляет границы возможностей человека, и то, какое место остается самому человеку в планировании жизни. Наибольшая агрессией, и по К.Лоренцу, направлена на самых близких, их чувствительность наиболее уязвима для этого чувства. Но тогда, чем больше «чувства», тем больше может быть агрессия! Но разве бесчувственность или формализованная наука этология станет противодействием? Хотя агрессия и кажется изучаемой на самых отдаленных предметах, она оказывается наиболее близкой к раздражимости живого, но с одной стороны. С другой стороны, ее изучаемая безотносительность к предмету связана с не вполне относительными категориями проявленного по отношению к конкретным людям ее составляющих: страха, страдания и вины.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Большой психологический словарь/ Сост и общ. ред. Б. Мецгерякова, В.Зинченко, - СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. - 672 с.
2. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию [Текст]/ Дж.Гибсон; [пер. с англ.] - М.: Прогресс, 1988 - 464 с.
3. Григорий Богослов. Слово святителя Григория Богослова на гневливость [Текст]// Собрание творений: В 2-х т. Т.2. - Мн.: Харверст, М.:АСТ, 2000. - 688 с., с.238-252.
4. Изард К.И. Эмоции человека: Пер. с англ.[Текст]//Изард К.И. М.: Изд-во Московского университета, 1980, - 440 с.
5. Ладыгина-Котс Н.Н. Дитя шимпанзе и дитя человека в их инстинктах, эмоциях, играх, привычках и выразительных движениях [эл.ресурс].-М.: 1935.
6. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики [Текст]/А.Н.Леонтьев. - М.: Изд-во МГУ, 1981. - 584 с.

7. Лоренц К. Обратная сторона зеркала: Пер. с нем. / Под ред. А.В. Гладкого; Сост. А.В.Гладкого, А.И.Федорова; Послесловие А.И.Федорова. – М.: Республика, 1998. – 393 с.
8. Лоренц К. Кантовская концепция априори в свете современной биологии// Эволюционная эпистемология. Антология / Научный редактор, сост. Е.Н. Князева. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 704 с., с.43-74.
9. Лоренц К. Эволюция и априори//Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 1994. № 5.
10. Рамачандран В.С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми//Вильянура Рамачандран, Карьера Пресс, 1990, 2012.-398 с.
11. Соловьев В.С. Оправдание добра [текст]// В.С.Соловьев. Сочинения в 2 т. Т.1/Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Loseva и А. В. Гулыги; Примеч. С. Л. Кравца и др. – М.: Мысль, 1988. – 892 с., С. 47-580.
12. Фоллмер Герхард. Мезокосмос и объективное познание (о проблемах, которые решены эволюционной теорией познания) [Текст] // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. 1994. № 6.
13. Фрейд З. Почему война /Психоанализ и культурология [Текст]// Сборник статей и переводов. Сост. Бондаренко Л.И., Таглин С. А., Баженов А.В. Харьков, Изд-во ХГУ, 1991. - 220 с.
14. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности [эл.ресурс] // Социологические исследования. с.126 -134.
15. Энгельс Ф. Роль труда в происхождении обезьяны из человека/ К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. – М.: Политиздат, 1985. – 639 с. С. 69 – 82.
16. Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе/[Текст] // Памфил Д.Юркевич. Философские произведения. - М.: Правда, 1990. - 669 с.
17. Nagel, Thomas. Birth, Death, and The Meaning of Life [Текст]// Т. Nagel. The View from Nowhere/Oxford University Press, Inc. - 1986. – 244 p.